

Когда Фан Чаочжоу полностью проснулся, он был единственным, кто остался в комнате.

Некоторое время он смотрел на кровать, затем протянул руку и коснулся своих ягодиц.

Это больше не причиняет боли.....

После того, как Фан Чаочжоу моргнул, он поднял руку, чтобы прикрыть лицо. Он думал, что быть битым по ягодицам уже было самым постыдным, но он не ожидал, что произойдет что-то более постыдное.

Чжун Лиюэ Шуй действительно... слишком презренный. Если ему нравится младший брат, а теперь он поднимает такой шум, и его одурманивает его соперник в таком неопределенном месте, как у него все еще может быть лицо, чтобы преследовать младшего брата?

Это достойно того, чтобы быть стариком, который прожил не знаю сколько лет, и методы борьбы с его соперниками очень высокого класса.

Фан Чаочжоу резко сел. Нет, он больше не может здесь оставаться. Давай уйдем пораньше. Если он останется, его тело и разум будут еще более опустошены.

Однако вопрос об уходе не может быть упомянут сегодня. Он пока не хочет видеть лицо Чжун Лиюэ Шуэя.

Это неловко, это так неловко.

На следующий день Фан Чаочжоу встал рано, и по дороге во двор Чжун Лиюэ Шуй он снова и снова прокручивал формулировку, о которой думал прошлой ночью, и несколько раз медитировал.

Но как только он вышел за пределы двора Чжун Лиюэ Шуэя, он случайно увидел Чжун Лиюэ Шуэя, который должен был быть в комнате, стоящего в это время во дворе.

Чжун Лиюэ увидел Фан Чаочжоу в воде и первым открыл рот: "Ты как раз вовремя. Мне нужно кое-что оставить Хуалишань на некоторое время."

А?

Фан Чаочжоу на мгновение опешил, затем услышал, как Чжун Лиюэ Шуй продолжил.

"Когда я в отъезде, ты учишься через Юцзянь." Он взглянул на стопку нефритовых листков на нефритовом столе рядом с ним. "Я проверю твое домашнее задание, когда вернусь, чтобы

посмотреть, серьезно ли ты тренировался".

Фан Чаочжоу проследил за взглядом Чжун Лиюэ Шуя и увидел, что Юцзянь возвышается, как холм, и на некоторое время потерял дар речи, но Чжун Лиюэш Шй уходил. Это здорово. Лучше усердно учиться, чем видеть Чжун Лиюэ Шуя каждый день, поэтому он быстро кивнул, "Да, Учитель."

Чжун Лиюэ Шуй увидел уголки губ Фан Чаочжоу, которые с трудом сдерживали улыбку, и кончики его бровей были изогнуты. Он медленно подошел к другой стороне, и когда он увидел тело Фан Чаочжоу, которое, очевидно, застыло из-за его приближения, он холодно открыл рот.

"Фан Чаочжоу, ты рад, что я ушел?"

Из-за того, что это было слишком близко, Фан Чаочжоу снова не смог сдержать своего обморока. Он не мог не захотеть сделать два шага назад, но как только он пошевелился, он услышал, как голос Чжун Ли становился все холоднее и холоднее по мере того, как вода становилась холоднее.

"Вернуть что? Ты хочешь, чтобы тебя наказали?"

Эти слова заставили Фан Чаочжоу резко остановиться. Он тайно сжался, прежде чем ответить: "Нет... Да, Учитель."

Чжун Лиюэ Шуй посмотрел на молодого человека, который был слишком напуган, чтобы пройти мимо него, но недовольство в его глазах стало еще сильнее: "В течение того периода, когда я уйду, Ту Бай будет контролировать вашу учебу. Если вы будете ленивы, я ликвидирую вас одного за другим, когда вернусь".

"Это... Фан Чаочжоу все больше и больше опускал голову.

Чжун Лиюэ Шуй ушел.

После того, как Фан Чаочжоу увидел, что спина человека полностью исчезла, он вздохнул с облегчением, подошел к нефритовому столу и пролистал лежащую на нем нефритовую книгу. Тубай последовал за ним, он запрыгнул на стол, поднял голову и посмотрел на Фан Чаочжоу: "Мяу, поторопись и начинай учиться, или мастер Чжун Ли снова накажет тебя".

Несмотря на то, что он сказал это, в глазах уток-мандаринок в Тубае появилось желание попробовать.

Фан Чаочжоу, который просматривал Юцзянь, не видел этого. Он взял Юцзянь наугад: "Предок разгадал вашу технику кляпа, тогда вы знаете, куда пошел предок?" "Когда ты вернешься?"

“Мяу, мастер Чжун Ли уехал на Север. Что касается того, когда он вернется, я не знаю.- сказал Тубай.

Фан Чаочжоу был ошеломлен “Северной территорией” в просторечии. Он поднял глаза, чтобы посмотреть на белого кота перед ним: “Северная территория? Это северная территория той таинственной холодной земли?”

“Мяу, да.”

Фан Чаочжоу, который читал оригинальную работу, знал, что сделал Чжун Ли, чтобы пересечь воду, и он отправился спасать Сюэ Даньжунга.

В оригинальной работе Сюэ Даньжунг однажды отправился на Северную Территорию в одиночку, и опасность на Северной Территории была далека от того, что он думал, поэтому Сюэ Даньжунг оказался в ловушке на Северной Территории. К счастью, у него была нефритовая тарелка с уткой-мандаринкой.

Нефритовая марка Мандариновой утки - это пара. Сюэ Даньжунг раздавил одну на своем теле, и другая нефритовая марка тоже будет сломана, а владельцем другой части является Чжун Лиюэ Шуй.

Нефритовая тарелка с Уткой-мандаринкой была подарена Сюэ Даньжунгу Чжуном Лиюэ Шуэем, когда Сюэ Даньжунг был молод. Теперь Сюэ Даньжунг, должно быть, в опасности и не может покинуть северную территорию, поэтому он раздавил нефритовую тарелку.

После того, как Чжун Лиюэ Шуй заметил, что нефритовая пластина на его теле была сломана, он поспешно покинул Хуалишань и отправился спасать его. В оригинальной работе Глава Северного Царства была первым появлением Чжун Лиюэ Шуя.

Благодаря этому героическому спасению Соединенных Штатов Чжун Лиюэ Шуй приобрел бесчисленное множество поклонников.

Неудивительно, что лицо Чжун Лиюэ Шуя только что было таким плохим. Если что-то случилось с его возлюбленным, он, должно быть, в плохом настроении.

Однако Фан Чаочжоу не помнил, сколько времени заняла поездка Чжун Лиюэ Шуя на север. Если бы только другая сторона вернулась, полугодовой срок истек бы.

Но это было маловероятно, поэтому он поспешно приступил к учебе.

Хотя воды Чжун Лиюэ нет, все еще есть Тубай. Тубай главный. Он остается рядом с Фан Чаочжоу днем и ночью, но это не побуждает Фан Чаочжоу торопиться и практиковаться. Вместо этого, когда Фан Чаочжоу учится, он проявит инициативу и упадет ниц перед Фан

Чаочжоу. Чаочжоу расправил его белоснежный живот, его пушистые маленькие лапки свернулись калачиком, а пара глаз утки-мандаринки округлились.

Медитирующий Фан Чаочжоу[].....

Он крепко сжал руку, которая хотела коснуться живота противника.

Нет, это ошибка - сосать кошку.

Увидев, что Фан Чаочжоу не двигается, Тубай моргнул, встал, подошел к ноге Фан Чаочжоу и снова упал с "бум", снова обнажив свой пушистый живот, и даже приложил мясную подушку к коленям Фан Чаочжоу.

Фан Чаочжоу сдержанно поджал губы, пытаясь отвести взгляд от живота противника.

Тубай издал ворчание. На этот раз он встал и забрался на колени Фан Чаочжоу, а затем снова упал. В третий раз он обнажил свой волосатый живот, который выглядел и ощущался очень хорошо. Разоблачение не закончилось. Он кокетливо катался по ногам Фан Чаочжоу, мяукая от время от времени.

Уголок рта Фан Чаочжоу дернулся. Через мгновение его рука решительно легла на живот Тубая, но прежде чем коснуться его несколько раз, Тубай внезапно изогнулся всем телом и встал. Его уши стояли высоко, глядя в одном направлении.

Фан Чаочжоу увидел его движения и проследил за его взглядом. Просто слушая птичью песню, златокрылая птица Чжун Лиюэ зависла над их головами, и один человек спустился с неба.

"Учитель!"

Фан Чаочжоу уже давно был в Хуалишане и не видел никого живого, кроме Чжун Лиюэ. Теперь, когда он увидел знакомого, он сразу же закричал, его тон был полон удивления.

Он быстро убрал Тубая со своих колен и встал.

Когда Мастер увидел Фан Чаочжоу, он слегка изогнул брови с явным отвращением в глазах.

Увидев глаза собеседника, Фан Чаочжоу внезапно вспомнил о своем конфискованном "теплом ребенке".

Похоже, что Мастер не забыл об этом вопросе.

“Чаочжоу, ты все еще привык жить в Хуалишане в эти дни? Учитель открыл рот.

Фан Чаочжоу немного подумал, прежде чем заговорить. Он был очень осторожен в своем тоне: “Учитель, я думаю, что я слишком мешаю культивированию предков, почему бы мне не вернуться в Ичжифэн?”

“Я не спешу возвращаться в Ичжифэн. Я здесь, чтобы передать вам ваше письмо как учителю. Мастер достал из рукава письмо и протянул его Фан Чаочжоу: “Это от твоего отца. Посыльный сказал, что это срочное письмо, так что ты быстро вскрой его и посмотри”.

Фан Чаочжоу на мгновение растерялся, прежде чем разобрать полученное письмо. Он слишком много прочитал в стенограмме и прочитал письмо очень быстро. Начало письма было приветствием. Первоначальный отец спросил его, был ли он в добром здравии в последнее время, был ли он счастлив в Секта Тяньшуй, и достаточно ли у него денег. В среднем абзаце говорилось о некоторых крупных событиях в КНДР, и, наконец, человек, написавший письмо, сказал, что недавно заболел, и спросил Фан Чаочжоу, есть ли у него время вернуться в Пекин.

Фан Чаочжоу несколько раз прочитал несколько слов в конце, прежде чем понял проблему. Первоначальный отец, казалось, был серьезно болен, поэтому он намеренно попросил своего сына вернуться.

Временная шкала оригинальной работы вращается вокруг Сюэ Даньжунга, и в течение этого периода времени оригинальное тело знало, что Сюэ Даньжунг отправился на северную территорию, и тайно последовало за ним, но Сюэ Даньжунг заметил, что кто-то следит, поэтому он намеренно выбросил оригинальное тело. Наконец, когда оригинальное тело найденный Сюэ Даньжунг, Сюэ Даньжунг уже был спасен Чжун Лиюэ.

И когда первоначальное тело вернулось в секту Тяньшуй, он получил печальную весть о том, что его отец скончался. Это также добавило трагичности первоначальному телу. Возлюбленный был спасен другими, и он даже не видел последнюю сторону своего отца.

Оказалось, что настоящий отец прислал письмо.

Мастер в оригинальной работе не отдал письмо первоначальному телу, вероятно, потому, что боялся вины первоначального тела.

“Чаочжоу? Видя, что Фан Чаочжоу долгое время молчал, мастер не мог не крикнуть.

После того, как Фан Чаочжоу пришел в себя, он немедленно сложил письмо и убрал его: “Учитель, могу я на некоторое время покинуть секту Тяньшуй?” “Мой отец серьезно болен, и я хочу вернуться в Пекин, чтобы повидаться с ним.”

Они должны были прервать все контакты с миром смертных, когда выращивали бессмертных,

но они не достигли той точки, когда не могли даже вернуться и взглянуть на своего биологического отца, который был серьезно болен.

Бесчисленное множество монахов из смертных семей вступили на путь воспитания бессмертных, и встреча со своими родителями снова - это последняя сторона их родителей.

Когда Мастер Фан Чаочжоу услышал, что сказал Фан Чаочжоу, он уже понял содержание письма, поэтому он кивнул и вручил Фан Чаочжоу кольцо для хранения: "Это кольцо для хранения, которое было конфисковано у вас учителем, но я потерял все грязные вещи внутри."

Ту Бай, стоявший сбоку, услышал разговор между двумя их учителями и учениками и внезапно вмешался: "Фан Чаочжоу, мастер Чжун Ли рассердился бы, если бы узнал, что ты покидаешь Хуалишань."

Его голос заставил глаза Мастера повернуться к нему, и Мастер нахмурился: "Мастер, я объясню вам это. нет необходимости беспокоиться о белом звере."

Глаза Тубая стали явно злобными. Увидев это, Фан Чаочжоу быстро наклонился и несколько раз коснулся маленькой головки Тубая: "Тубай, я только что вернулся, чтобы встретиться со своим отцом. Ты даже не можешь позволить мне уйти, даже если мой отец серьезно болен, верно?"

Когда Фан Чаочжоу прикоснулся к Ту Баю, его глаза мгновенно стали послушными, но он все еще не хотел: "Мяу, но когда ты вернешься?" "Разве это не займет много времени? Не уходи, смертные живут и умирают, и ты ничего не сможешь изменить, если вернешься."

От этих слов глаза Фан Чаочжоу опустились, он убрал руку, и его тон впервые перестал быть нежным: "Смертные, естественно, живут и умирают, вот почему я должен вернуться. Я все еще могу жить долго, и я все еще могу тратить много времени на тренировки, но все ушли."

Сказав это, он повернул голову, чтобы посмотреть на Учителя: "Учитель, пойдём."

В тот же день Фан Чаочжоу ступил на путь в столицу смертных. Хотя Ту Бай все еще хотел остановить его, Мастер Фан Чаочжоу преградил ему путь, и он мог только смотреть, как Фан Чаочжоу уходит, но когда Фан Чаочжоу ушел, Ту Бай продолжал смотреть на него, его глаза были немного холодными.

Фан Чаочжоу должен отправиться на космическом корабле в ближайший от столицы город Сючжэнь, а затем в столицу Юцзянь.

Примерно через семь или восемь дней Фан Чаочжоу прибыл за городские ворота столицы. Когда защитники городских ворот увидели появление монахов, выражение их лиц

стало немного торжественным, потому что аура места, где собирались смертные, была скудной, и монахи часто не приходили.

Фан Чаочжоу взглянул на толпу, выстроившуюся в очередь, чтобы въехать в город, и автоматически прошел в конец очереди. Просто он просто стоял в конце, и все люди перед ним отошли, а потом побежали, чтобы встать позади него, но они были далеко от него.

Фан Чаочжоу удивленно повернул голову, немного подумал и снова пошел в конец команды.

В результате группа людей снова рассредоточилась, как птицы и звери, а затем собралась позади него, конечно, все еще сохраняя большую дистанцию. Хотя они были далеко друг от друга, Фан Чаочжоу отчетливо слышал все, что они говорили.

“О боже, это монах!”

“Будет ли монах есть людей?”

“Я слышал, что они могут жить вечно, потому что они едят много смертных.”

“Монстры едят смертных только для того, чтобы жить вечно. Я слышал, что они пьют мочу мальчика каждый день, чтобы жить вечно.”

“В самом деле?”

“Это должно быть правдой. Мастер Хуан, дальний родственник семьи по соседству со мной, каждый день пьет мочу мальчика. Сейчас ему 50 лет, а выглядит он на 30 лет.”

“Вау, это потрясающе! Потом вы сказали, что этот монах выглядел таким молодым, сколько он выпил?”

“.....”

Фан Чаочжоу.....

У него не было другого выбора, кроме как подло вмешаться.

Когда стражники городских ворот увидели приближающегося Фан Чаочжоу, все они сжали оружие в своих руках, и голос ведущих генералов слегка задрожал: “Почему вы здесь, сэр?”

Фан Чаочжоу сорвал с пояса золотую медаль, протянул ее генералу и мягко сказал: “Я Фань Чаочжоу, девятый принц, и теперь я еду в Пекин, чтобы встретиться лицом к лицу со святым.”

Эту золотую медаль он носил на поясе, когда состоял в секте Тяньшуй, и на ней был выгравирован иероглиф из девяти символов, который является символом идентичности.

Охранники были немного удивлены, когда услышали, что Фан Чаочжоу утверждал, что он девятый принц династии. Генерал посмотрел на золотую медаль в своей руке, несколько раз проверил ее снова и снова, а затем сказал: "Девять принцев, пожалуйста, подождите, пусть ваши подчиненные пойдут и сначала скажут мне."

Первоначальное тело покинуло его, когда он был молод, и не возвращалось десятилетиями. Считается, что немногие люди все еще помнят его, поэтому Фан Чаочжоу понимающе кивнул: "Продолжай".

Генерал развернулся и вошел в городские ворота с золотой медалью Фан Чаочжоу, и как только он вошел, городские ворота были закрыты. Людям, которые не могут выстроиться в очередь, чтобы въехать в город, теперь нечего делать. Они обсуждают в Твиттере, сколько мальчишеской мочи выпил Фан Чаочжоу, чтобы быть таким молодым. Они все еще делают ставки и угадывают истинный возраст Фан Чаочжоу.

Фан Чаочжоу, который некоторое время слушал мочу мальчика, не мог удержаться, чтобы не обернуться и сдержанно сказал: "Я не пил мочу мальчика, клянусь."

Когда люди услышали, что он сказал, они немедленно отступили на дюжину шагов назад, их движения были такими аккуратными, как будто они были заранее обучены.

"Боже мой, он говорил с нами?"

"Он слышал наш разговор?"

"Я слышал, что монахи - ясновидящие и уши попутного ветра."

"Ах, это так мощно, разве не было бы так, если бы я чихнул далеко, и он мог бы это услышать?"

"Это больше, чем чихание. Он отчетливо слышит, как ты пукаешь. Если ты в это не веришь, поставь один сейчас, и он обещает это услышать."

"Я постараюсь!"

"Я тоже постараюсь! Может ли он услышать, кто это сказал?"

Фан Чаочжоу□.....

Забудь об этом, забудь об этом.

В непрерывных странных размышлениях людей городские ворота наконец открылись, но вышел не один человек, а группа людей. Человек, идущий впереди, был одет в малиновую придворную форму и белоснежный лисий мех. Это выглядело неуместно с человеком рядом с ним, одетый только в весеннюю рубашку.

Мужчина подошел к Фан Чаочжоу, опустился на колени и сделал большой подарок.

"Племянник Ху Сян нанес визит дяде Цзюхуану."

Человек позади него, У Янмин, опустился на колени на землю.

Фан Чаочжоу никогда раньше не стоял на коленях. Он был застигнут врасплох. Он быстро слегка развернулся и пошел помогать другой стороне: "Пожалуйста, быстро вставайте".

Он схватил противника за руку и обнаружил, что тело противника напряглось, но человек ничего не сказал. Он встал с силой Фан Чаочжоу, затем поднял лицо, и противник Чаочжоу слегка улыбнулся.

Посетитель выглядит как смертный лет двадцати с небольшим, богатый и красивый, цвет его лица подобен весеннему, но губы синие, его болезнь очевидна, а кровеносные сосуды под открытой кожей слегка посинели.

Когда он ясно увидел лицо Фан Чаочжоу, его глаза вспыхнули, а затем улыбка в уголках его губ стала глубже.

"Дядя Цзюхуан вернулся. Дедушка Хуан уже давно с нетерпением ждет дядю Цзюхуана."

Говоря это, он повернул голову и поднял руку, чтобы прикрыть грудь. Кончики его бровей, казалось, скорее нахмурились, чем нахмурились, а губы были слегка раздвинуты, как будто ему было крайне неудобно. Увидев это, Фан Чаочжоу немедленно достал носовой платок и протянул его ему.

Молодой человек, назвавшийся Ху Сяном, увидел платок и слегка покачал головой: "Спасибо, дядя Цзюхуан, но я в порядке, просто немного простудился, когда встал рано."

Как только звук стих, он услышал, как Фан Чаочжоу сказал:

"Тогда вы должны держать носовой платок. Здесь много людей. Если вы заразились ознобом и не обращаете внимания, вы можете передать его другим."

Ху Сян: “.....”

Видя, что Ху Сян не отвечает, Фан Чаочжоу прямо сунул свой носовой платок в руку противника: “Племянник, поторопись и возьми его”. Он подумал, что собеседник смутился, принимая его носовой платок, и поспешно добавил: “Этот платок не стоит много серебра, поэтому его следует рассматривать как подарок на встречу от императора. Не будьте вежливы”.

Ху Сян: “.....”

<http://bllate.org/book/15899/1419751>